

УДК 94(47).084.3

ФОРМЫ САМОВЫРАЖЕНИЯ МАССОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1917 Г. (по материалам Тамбовской губернии)

© Дмитрий Владимирович КОЛЧИНСКИЙ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра российской истории,
e-mail: kolchinskyd@mail.ru

Рассмотрен важный сюжет, раскрывающий особенности восприятия революционной действительности жителями российской провинции в 1917 г. Изучение места символики в повседневности, использование образов, возникавших в коллективном сознании социума в переломные этапы развития российской истории, к которым относятся революции, позволяет исследователю глубже раскрыть и понять общие особенности российского революционного процесса. Актуальность продиктована практически полным отсутствием исследований по вопросам внешнего проявления массовой политической культуры – знаков, обрядов, ритуалов, символов, языка революционной эпохи и их осмысления как на общероссийском, так и на региональном уровнях. Особую сложность в данном случае вызвало именно отсутствие нарратива, на который можно было бы опереться в выявлении и вычленении ритуально-образных проявлений политической культуры. Плохая сохранность источников и материалов, способных пролить свет на рассматриваемую проблему в Тамбовской губернии, также послужила причиной обращения к исследованию этого вопроса, тем более что эта экзистенциальная проблема вообще не ставилась на материалах рассматриваемого нами региона. Появившиеся революционные песни, лозунги были внешним элементом политической культуры. На митингах, проходивших при большом стечении народа, как правило, на площадях перед храмами, проходили революционные шествия с оттенком религиозности, которые часто перерастали в траурные шествия, «похороны старого мира». Они напоминали средневековые магические обряды. Их главными зачинателями были, как правило, вернувшиеся в села солдаты-отпускники, обладавшие высокой общественно-политической активностью. Митинговый азарт с демонстрацией новых революционных символов подогревался среди населения Тамбовской губернии слухами о наступлении полной свободы, воспринимавшейся как одобрение высшими властями самовольного разрешения провинциальным обществом как политических, так и житейских проблем.

Ключевые слова: революция 1917 г.; Тамбовская губерния; массовая политическая культура; ритуалистика.

Революции, уходя в прошлое, оставляют после себя мифы, образы, ритуалы как знаки, маркирующие политическую культуру своего времени. В последнее время заметно возрос интерес историков, философов, социологов к этой стороне проблемы [1; 2; 3, с. 67-76]. Заслуживает внимания и психоэмоциональный ее аспект, отражающий субъективно-индивидуальное в общем контексте политической культуры.

Известие о победе революции в Петрограде и свержении монархии всколыхнуло жителей громадной Тамбовской губернии, привело в движение разнообразные общественные силы. Ситуация напомнила 1905 г., политическую весну, тем более что и развивалась она весной 1917 г., когда по физиологическим законам человеческий организм оживает после долгой зимы, душа наполняется оптимизмом.

Источники тех дней, газеты прежде всего, отражают атмосферу ликования. Во всех

городах губернии проходили митинги и демонстрации. 5 марта, в воскресенье, в Моршанске на Соборной площади состоялся многотысячный митинг, перешедший в манифестацию. Как писал «Моршанский телеграф», «масса ...направилась по главным улицам города, имея во главе национальные флаги, перевязанные красными лентами». Все действие сопровождалось бросанием шапок, платков, криками «Ура!». Далее обезумевшая от восторга толпа под руководством солдат ворвалась в здание городской думы, где в это время заседал городской Исполнительный комитет, сорвала имперские гербы, выпустила всех заключенных из полицейской части. Утолив жажду мщения, толпа вернулась на Соборную площадь, завершив своеобразные похороны старого строя [4].

В Тамбове массовое празднование свержения самодержавия было организовано 7 марта, оно завершилось грандиозным парадом войск гарнизона. Разделяя общий пафос,

местная газета описывала, как войска под знаменами и штандартами проходили строем, «вызывая своим добрым молодцеватым видом восторг тысяч зрителей». К этому времени в Тамбове уже сбросили имперские гербы и вывески полицейских учреждений. На казармах были вывешены флаги с надписями «Да здравствует свобода и новая жизнь!» [5].

В Козлове, втором по величине городе губернии, войска местного гарнизона, как отмечала «Козловская газета», во главе со своим начальством «стройными рядами прошли по городу», дошли до городской управы, где «засвидетельствовали о своем присоединении к новому правительству» [6]. В Спаске, где крупных воинских частей не было, утром 4 марта образованным накануне Общественным комитетом была без сопротивления обезоружена полиция, и днем на площади «...при громадном стечении народа» был отслужен благодарственный молебен.

В некоторых случаях революционная инициатива проявлялась прибывавшими из столиц делегациями. Так, 4 марта в Лебедянь прибыли из Москвы два студента и прапорщик. С помощью команды солдат ими были разоружены чины полиции и стражники. Затем делегаты явились в казармы 213-го запасного пехотного полка и потребовали подчиниться новой власти. После переговоров, длившихся всю ночь, утром 5 марта офицеры изъявили присоединение к Временному правительству, и в полдень в городском кинотеатре «Модерн» состоялось торжественное собрание, закончившееся шествием полка по городу под красным знаменем и пением «Марсельезы»; действие продолжилось на следующий день [7, ед. хр. 1965, л. 37]. Везде в городах демонстранты брали свои «Бастилии», выпуская в порыве революционного экстаза не только политических заключенных, если они там были, но и уголовных, видя в них жертв несправедливого строя. Всюду, в т. ч. и в селах, разоружали и арестовывали чины полиции, этим спасая их от самосуда разгоряченной толпы.

Сельские торжества, развернувшиеся чуть позже под влиянием городских, больше походили на народно-религиозные мистерии, в которых переплетались крестьянский мистицизм и стихийная революционность. По замечанию Б.И. Колоницкого, шествия и ми-

тинги во славу революции, составляющие неотъемлемую часть революционной традиции, сливались с традициями празднования Пасхи [8, с. 38-39]. А предшествующая ей Вербная неделя, время традиционных массовых гуляний, на Тамбовщине совпала с революционным мартом. Столь своеобразный религиозно-революционный симбиоз придавал торжествам ритуальный, карнавальский характер.

Революционные песни, красные флаги и ленты на груди выступали внешним элементом новой политической культуры. По образному выражению историка Февраля Э.Н. Бурджалова, революция победила под звуки «Марсельезы» [9, с. 454]. Наряду с распространенной в рабочей и городской среде «Марсельезой» (русский вариант – «Отречемся от старого мира») в 1917 г. толпы пели, как правило, революционный похоронный марш «Вы жертвою пали», получивший широкое распространение после подавления восстаний в революции 1905–1907 гг. Его исполнение демонстрантами было напоминанием о героических традициях борьбы народа за свободу и памяти о ее жертвах. Февраль выпустил революционные песни из подполья, и совместное пение пьянило толпу, спланивало ее, пусть и не надолго, отражая готовность к новым жертвам во имя свободы. Именно песни, вместе с другими революционными символами, а не только речи партийных ораторов, увлекали слушателей на митингах в первые месяцы революции.

Революционный репертуар не исчерпывался старыми, ставшими классическими, песнопениями. Появлялись новые стихи, часто ложившиеся на уже известную музыку. Так, использовалась ритмика «Марсельезы», «Варшавянки», «Смело, товарищи, в ногу», что приводило в итоге к появлению их текстовых интерпретаций (многочисленные варианты «Народной марсельезы» – яркое тому подтверждение) [10, с. 178-179].

В фондах Государственного архива Тамбовской области нами выявлен интересный документ, текст которого с большой вероятностью мог звучать на городских митингах. Автор слов М. Болотов попытался зафиксировать на бумаге в стихотворной форме все, что он увидел и услышал на улицах Тамбова в марте 1917 г. Личность автора, к сожалению, раскрыть не удалось. По датировке со-

седних в архивном деле документов можно предположить, что строки были написаны в апреле 1917 г. Позволим себе привести текст документа полностью:

Я вижу маки, знамена и флаги
 Реют кругом...
 Братья свободы, счастье народу, песни народу,
 Гимны и гром.
 Яркие маки, знамена и флаги – свободы орлы.
 Красным играют, целуют, ласкают
 Воздух весны.
 Сердце так радо от счастья услады,
 Что русские мы,
 Красным цветом к работе зовешь
 Граждан Руси.
 Юноша милый и Вас, отряд [...] в бой за свободу – не дремлют враги!
 Вперед, за свободу! Не дрогнув, умри.
 Яркие маки, знамена и флаги –
 Красный Символ зари.
 Святая свобода, счастье народа,
 Гордость, что русские мы [11, ед. хр. 9, л. 70].

По мере того, как революция проникала в окраины губернии, информация об этом появлялась на страницах «Тамбовского земского вестника». С 16 по 21 марта газета публикует подробные рассказы-отчеты о событиях в уездах, оснащая их красочными заголовками и эпитетами: «Заря новых дней», «Заря свободы» и т. п. Из них явствует, что в «медвежьих углах» губернии о событиях в Петрограде стало известно только 6 марта. Из газетных публикаций видно, что «праздники свободы» организовывались по определенному сценарию. В первой части на главную площадь селения перед храмом выходили все жители, несшие красные флаги с лозунгами о свободе в честь нового правительства. Для создания особой атмосферы торжественности на площадь выходило духовенство, совершались молебны и панихида по павшим «борцам за свободу», затем исполнялись революционные гимны. Непременным атрибутом всех празднеств были траурные песнопения, вполне соответствовавшие квазирелигиозному характеру церемонии и ярко отражавшие суицидальную природу революции.

Затем выступали ораторы. В их речах преобладало слово «свобода»; говорилось о войне, но единства в этом вопросе в обществе не было. Крестьяне желали скорейшего окончания войны, но официально поддержи-

вали идею продолжения ее до победного конца, опасаясь, что в случае заключения мира «придет Вильгельм и отнимет все, нами завоеванное». Завершалось все массовыми гуляниями.

Революция формировала новый язык. Она породила бесчисленное количество резолюций, призывов, обращений и прочих форм, сама стала самым популярным словом в лексиконе эпохи, повторяемым как магическое заклинание. В речевой обиход прочно вошли слова и выражения: «мир без аннексий и контрибуций», «Учредительное собрание», «революционная демократия», «народовластие» и др. От частого повторения они девальвировались, постепенно утрачивая смысловое значение. Слово «контрреволюционер» вообще превратилось в бытовое ругательство.

В годовой календарь жителей городов и сел вошли новые праздники: 18 апреля (впервые по старому стилю, одновременно с Европой) широко и свободно было отмечено 1 мая как Международный день трудящихся, затем – День «Займа свободы» и т. д. Регулярными стали митинги, созывавшиеся по всякому значимому политическому событию в стране. По их посещаемости заметно, как общество переходит от восторженности к обеспокоенности, от единомыслия – к конфронтационности, от политического азарта – к усталости и равнодушию.

Революция способствовала политизации населения, которая щедро «сдабривалась» предрассудками и высокой степенью обывательской религиозности. Вера в православные идеалы в сочетании с революционной вакханалией порождала порой новые ритуалы, напоминающие мистические языческие обряды. К примеру, в Липецке 191-м запасным пехотным полком были устроены «торжественные похороны старого строя». При стечении народа на центральной улице был сожжен черный гроб с надписью «Вечное проклятие дому Романовых». Действо проходило под звуки «Марсельезы». После сожжения гроба полк под музыку, с красными флагами и плакатами с лозунгами «Да здравствует революционная армия!» прошел через весь город, сопровождаемый толпой народа. «Среди жителей долго не смолкали разговоры о невиданном зрелище», – сообщила местная газета [12].

Еще более фантазмагорический характер принял «революционный» обряд в с. Березовка Тамбовского уезда, где был осквернен прах Г.Н. Луженовского, застреленного в 1906 г. Марией Спиридоновой за жестокое усмирение крестьян. Мужики мотивировали свои действия тем, что в Киеве уже разрушен памятник П.А. Столыпину. Толпа потребовала от брата покойного перенести могилу в другое место, это требование поддержал и волостной комиссар эсер А.Г. Одинцов, недавно вернувшийся с каторги, которую отбывал за участие в восстании 7-го кавалерийского полка в Тамбове в том же 1906 г. Вопрос решили «демократически»: поднятием рук проголосовали за то, чтобы могила и гроб до 1 мая были перенесены в другое место. Однако 16 апреля крестьяне «в присутствии большого количества сильно возбужденных солдат, приехавших с фронта», по свидетельству священника А.А. Лебедева, вырыли гроб и сожгли его вместе с останками, «предварительно глумясь над трупом, избивая его палками, стараясь снять с него форменный мундир» [13, с. 158]. А.Г. Одинцов, через полгода избранный в Учредительное собрание, на следствии неловко оправдывался невозможностью переубедить озлобленных людей, но, скорее всего, являлся одним из инициаторов вакханалии, восходившей своей дикостью к доисторическим временам.

Нечто подобное случилось и в Усманском уезде, где 16 апреля крестьяне пригласили на сельский сход с. Коробовка князя Б.Л. Вяземского, чье имение Лотарево находилось неподалеку. Князь в своем дневнике с удовлетворением отмечал, что порядок во время схода был образцовый, «настроение идеальное» [14, с. 67]. Однако уже через месяц прежде вполне деловые отношения между крестьянами и Б.Л. Вяземским резко осложнились. Поводом к этому стали похороны его брата Дмитрия Вяземского, убитого во время революционных беспорядков в Петрограде 2 марта 1917 г. Гроб с его телом был привезен в усадьбу и вечером 17 мая поставлен в церкви с. Коробовки для отпевания и захоронения в семейном склепе. Крестьяне, помнившие участие покойного в усмирении крестьян в 1905 г., на собрании сельского комитета решили этого не допустить, о чем и сообщили родственникам погибшего. Дабы

избежать эксцессов, Б.Л. Вяземский попытался было вернуть гроб с телом брата обратно и захоронить его в Александро-Невской Лавре Петрограда, но встретил решительный отпор родных [14, с. 69].

Агрессия и озлобленность крестьян возникли под влиянием агитации крестьянина с. Падворок Степана Пенькова, который, находясь в Петрограде на военной службе, в письмах двоюродным братьям «проводил мысль о необходимости захвата помещичьих земель» [15, ед. хр. 2288, л. 18об.]. Масла в огонь подлили приехавшие в село из Петрограда матросы с целью пропаганды революционных идей. Лидия Леонидовна Васильчикова, родная сестра Б.Л. Вяземского, вспоминала, что при отъезде из церкви после отпевания Дмитрия Вяземского к Борису Леонидовичу подошел человек в матросской фуражке и «нахально спросил: «Где вы намерены хоронить вашего брата?». Борис ответил: «У нас в склепе под церковью». На что матрос сказал: «Теперь вашего ничего нету. Попробуйте только его там похоронить, и мы всех ваших покойников оттуда повыкинем!». Княгиня заметила, что во время службы крестьяне не стояли у гроба, как им полагалось, а входили и выходили из церкви, разговаривали, что «...было необыденно. Наши мужики обыкновенно выстаивали самые длинные службы с неподвижностью каменных изваяний...». Видимо, такое поведение крестьян было следствием агитации, которая велась в это время матросами во дворе церкви [16, с. 69].

Она все же не возымела действия. Дважды зачитанный священником приказ командующего 12-й армией генерала Радко-Дмитриева с перечислением военных заслуг покойного произвел на крестьян сильное впечатление: «Многие из них плакали, и речи агитаторов не встретили никакого сочувствия. ...Ко всхлипываниям мужчин присоединились и всхлипывания женщин» [14, с. 70]. Забавно, что впоследствии один из агитаторов просил известного своим красноречием князя не приходить на митинги: «Ты ведь сам знаешь, Ваше сиятельство, как зачнешь говорить, ну, мы все и будем с тобой согласны» [14].

Авторитет князя Б.Л. Вяземского, похоже, мешал многим, и это роковым образом отразилось на его судьбе. В конце августа по

набату собрались до 5 тыс. крестьян с. Лота-рево, арестовали князя и потребовали его немедленной отправки на фронт. Под конвоем милиции и выборных от толпы он был отправлен на станцию Грязи, где был растерзан солдатами проходившего воинского эшелона и местной толпой, после чего начался погром его имения.

Инфернальные по своей сути, оба случая выражали новые коды общественного поведения. Февральская революция превратила императорскую Россию в демократическую республику, но недавние верноподданные не могли автоматически превратиться в свободных граждан, а социально-классовые отношения – в гражданско-правовые. В обществе, несомненно, нарастали и укреплялись эгалитарные настроения. Исчезли страх и раболепие перед властью имущими, и сама демократизированная власть была слаба. Летом – осенью 1917 г. было невозможно реальное применение вооруженной силы против анархии и эксцессов – возможна была лишь демонстрация ее применения, которая пока давала эффект, исключалось использование казачьих нагаек или розог против бунтующих крестьян. Показателен такой факт: в сентябре помещик Мичурин, применивший нагайку против крестьянских мальчиков, пасших лошадей на его лугу, был арестован крестьянами с. Павловки (Елатомский уезд) и избит толпой [17, с. 22]. Чувство безнаказанности сливалось с простонародным пониманием гражданской свободы как полной вседозволенности. Как заявил глава сельского комитета в с. Анненском Кирсановского уезда землевладельцу Сосульникову, «Мы победили, в России есть народное право и потому, что хотим, то и сделаем». Тех общинников, которые отказались принять участие в грабеже имения, председатель грозился выслать из деревни [17, с. 16]. Понятно, что он выразил коллективное мнение своих односельчан.

Бродильным ферментом в такой питательной среде явились солдаты, которых в селах и деревнях становилось все больше. Начавшиеся в июне сельские полевые работы выявили в стране острую нехватку рабочих рук. Высшее командование было вынуждено согласиться на отпуск части солдат тыловых гарнизонов на полевые работы, но ввиду предстоящего наступления на фронте

и отправки ряда запасных полков в полном составе на позиции потребовало возвращения солдат в свои части к 15 июня, что вызвало волнения среди солдат [17]. В Советы, словно из рога изобилия, посыпались многочисленные прошения матерей и жен солдат, вернувшихся домой, о продлении им срока отпуска, дабы закончить сельскохозяйственные работы.

В 20 гарнизонах Центра, в т. ч. в Тамбове и Моршанске, общественность заставила Советы взять на себя инициативу и распустить солдат старше 40 лет на полевые работы, усилив горючую массу в деревне [18, с. 93]. «Хроника революционных событий Тамбовской губернии» изобилует примерами такого рода. В один и тот же день, 3 апреля, в имении Кожина Липецкого уезда несколько отпускных солдат из местных крестьян явились в усадьбу и «конфисковали имущество», проще говоря, разграбили его, а в Темниковском уезде – на противоположном конце губернии – крестьяне нескольких сел во главе с солдатом принудили землевладельца Новосельцева дать подписку о «добровольной передаче им до нового закона» 1365 десятин пашни и лугов, разогнали служащих и рабочих имения [17, с. 10].

Очевидно, нередко те же крестьяне стали с выгодой для себя пользоваться ситуацией, когда ответственность за эксцессы падала не на них, а на пришлых солдат. Так, на станции Грязи местные жители 21 апреля обратились за содействием к солдатам проходившего эшелона, заявляя, что их обижают, что старорежимный комитет о них не заботится и т. д. [17, с. 10]. Неизвестно, чем эпизод завершился, но другое обращение к солдатам воинского эшелона (в августе) закончилось описанным выше убийством князя Б.Л. Вяземского и погромом его имения.

Революция 1917 г. со сменой политического режима принесла новые образы, ритуалы, изменила старые и ввела новые традиции. Патриархально-религиозное сознание российского социума, отбросив в одночасье ставшую бесполезной имперскую символику, создало символику революционную, постепенно проникавшую из столиц в жизнь российской провинции. Революционная квазирелигиозность заменила старую религию новыми атрибутами ритуалистики, ставшей в условиях новой действительности наравне с

политикой для российского общества сакральной.

1. *Блохина Е.А.* Символическая деятельность и символические практики: концептуальный аппарат изучения репрезентации власти // *Современные научные исследования и инновации.* 2011. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/08/1668> (дата обращения: 22.11.2014).
2. *Муратова А.С.* Обряд и праздник // *Мир психологии.* 2001. № 4.
3. *Щепанская Т.Б.* Символическая репрезентация власти: атрибутика // *Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии:* в 2 т. СПб., 2006. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе.
4. Моршанский телеграф. 1917. 7 марта.
5. Тамбовский земский вестник. 1917. 10 марта.
6. Козловская газета. 1917. 5 марта.
7. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 272. Оп. 1.
8. *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001.
9. *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. М., 1971.
10. *Полищук Н.С.* Отражение самосознания рабочих в их песенном репертуаре // *Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония.* М., 1970.
11. ГАТО. Ф. Р-20. Оп. 1.
12. Липецкая новь. 1917. 2 апреля.
13. *Мещеряков Ю.В.* Мария Спиридонова. Страницы биографии. Тамбов, 2001.
14. *Дневник князя Б.Л. Вяземского «1917 год».* Лотаревская «Книга Судеб» // *Наше наследие.* 1997. № 39-40.
15. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1405. Оп. 345.
16. Из воспоминаний Л.Л. Васильчиковой. Лотаревская «Книга Судеб» // *Наше наследие.* 1997. № 39-40.
17. 1917–1918. Хроника революционных событий Тамбовской губернии / сост. П. Крошицкий, С. Соколов. Тамбов, 1927.
18. *Протасов Л.Г.* Солдаты гарнизонов центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978.

1. *Blokhina E.A.* Simvolicheskaya deyatel'nost' i simvolicheskie praktiki: kontseptual'nyy apparat izucheniya reprezentatsii vlasti // *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii.* 2011. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/08/1668> (data obrashcheniya: 22.11.2014).
2. *Muratova A.S.* Obryad i prazdnik // *Mir psikhologii.* 2001. № 4.
3. *Shchepanskaya T.B.* Simvolicheskaya reprezentatsiya vlasti: atributika // *Antropologiya vlasti. Khrestomatiya po politicheskoy antropologii:* v 2 t. SPb., 2006. T. 1. Vlast' v antropologicheskom diskurse.
4. Morshanskiy telegraf. 1917. 7 marta.
5. Tambovskiy zemskiy vestnik. 1917. 10 marta.
6. Kozlovskaya gazeta. 1917. 5 marta.
7. GATO (Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti). F. 272. Op. 1.
8. *Kolonitskiy B.I.* Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 g. SPb., 2001.
9. *Burdzhalov E.N.* Vtoraya russkaya revolyutsiya: Moskva, front, periferiya. M., 1971.
10. *Polishchuk N.S.* Otrazhenie samosoznaniya rabochikh v ikh pesennom repertuare // *Rossiyskiy proletariat: oblik, bor'ba, gegemoniya.* M., 1970.
11. GATO. F. R-20. Op. 1.
12. Lipetskaya nov'. 1917. 2 aprelya.
13. *Meshcheryakov Yu.V.* Mariya Spiridonova. Stranitsy biografii. Tambov, 2001.
14. *Dnevnik knyazya B.L. Vyazemskogo «1917 god».* Lotarevskaya «Kniga Sudeb» // *Nashe nasledie.* 1997. № 39-40.
15. RGIA (Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv). F. 1405. Op. 345.
16. Iz vospominaniy L.L. Vasil'chikovoy. Lotarevskaya «Kniga Sudeb» // *Nashe nasledie.* 1997. № 39-40.
17. 1917–1918. Khronika revolyutsionnykh sobytiy Tambovskoy gubernii / sost. P. Kroshitskiy, S. Sokolov. Tambov, 1927.
18. *Protasov L.G.* Soldaty garnizonov tsentral'noy Rossii v bor'be za vlast' Sovetov. Voronezh, 1978.

Поступила в редакцию 14.01.2015 г.

UDC 94(47).084.3

THE FORMS OF EXPRESSIONS OF MASS POLITICAL CULTURE IN 1917 (based on the Tambov province)

Dmitry Vladimirovich KOLCHINSKY, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student of Russian History Department, e-mail: kolchinskyd@mail.ru

Important subjects, revealing the features of perception of reality, the revolutionary people of the Russian province in 1917 were reviewed. The investigating of the symbols in everyday life, the use of images that have arisen in the collective consciousness of society at crucial stages in the development of Russian history, which includes revolution, allows the researcher to uncover deeper and understand the general peculiarities of the Russian revolutionary process. The urgency dictated by the almost complete absence of studies on the external manifestations of mass political culture – signs, rites, rituals, symbols, language revolutionary era and their interpretation, as on the national and regional levels. A particular challenge in this case is caused lack of narrative, which could rely on the identification and isolation of ritual manifestations of the political culture. Poor preservation of sources and materials that could shed light on the matter under consideration in the Tambov province as well served as a reason for seeking to investigate this issue, especially because this existential problem is not put on the materials before us in the region. Revolutionary songs, slogans external element of political culture appeared. At the meetings, held at a large gathering of people, usually on the square before the temple, were revolutionary processions, with a touch of religiosity, which often escalated into mourning processions, “the funeral of the old world”. They resembled medieval magical rites. Their main pioneers were usually returned to the village soldiers vacationers, who had a high socio-political activity. Overflowing passion with a demonstration of the new revolutionary character fueled by the population of the Tambov province rumors about the occurrence of complete freedom, perceived as an endorsement of the higher authorities permit unauthorized provincial society, both political and everyday problems.

Key words: Revolution of 1917; Tambov province; mass political culture; the studies of the rituals.